

<О романе Чернышевского "Что делать?">

Критика 60-х годов XIX века / Сост., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева. -- М., ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательства АСТ", 2003. (Библиотека русской критики)

OCR Бычков М. Н.

<...> Взяв в руки пресловутое сочинение и прочитав несколько строк, мы должны были согласиться с исповедью автора, в том месте предисловия, где он говорит: "У меня нет ни тени таланта. Я даже и языком-то владею плохо". Единомыслие наше с автором на этот счет возрастало с каждой новой страницей и с последней строкой романа достигло зенита. Скучность изобретения, положительное отсутствие творчества, беспрестанные повторения, преднамеренное кривлянье самого дурного тону и ко всему этому беспомощная корявость языка превращают чтение романа в трудную, почти невыносимую работу. Но мы подумали: что делать? В качестве рецензента надо продолжать. Ведь продолжал же автор, отчасти сам сознававший эти недостатки. Следовательно, была на то причина. Недаром он говорит: "Но это все-таки ничего: читай, добрейшая публика! прочтешь не без пользы. Истина -- хорошая вещь: она вознаграждает недостатки писателя, который служит ей". -- Благодаря такому объяснению дело становится ясным. Сущность не в романе, не в творчестве, а в истине, в пропаганде.

Нет ничего труднее и бесплоднее разговоров с глухими о звуках, с слепыми о красках и т. п. Как вы уясните нигилисту превосходство тончайших стихов Пушкина над бездарнейшими виршами? Чем доказать слепому, что теперь день, а не ночь?

Наша задача вывести несомненные положения доктрины из романа "Что делать?" с помощью самого романа. Но мы бы положительно отказались от такой задачи, видя перед собой художественное произведение. У истинных художников от Гомера и Эсхила до Шекспира и Гете всякое лицо право, пока оно говорит. Можно чувствовать, что любимцы поэтов Гектор, а не Ахиллес, Пелей, а не Менелай (в Андромахе), Цезарь, а не Брут, Фауст, а не Мефистофель, но как это доказать? Отсутствие чутя или недобросовестность возражающего могут поставить вас в безвыходное положение. При разборе романа "Что делать?" подобных затруднений не существует. "Современник" и К^о давно приучили нас к своему взгляду на литературу. Мы знаем их презрение к искусству для искусства. Следовательно, в романе дело в содержании, а не в искусстве, которого, по словам автора, *"тут нет и тени"*. Действительно, тут нет даже признака *умения*, зато *умелость* во всей силе.

Перед нами безразличная масса романа, и в ней, по словам автора, -- истина. Как же отделить эту истину от фабулы? -- Не поможет ли заглавие: *Что делать?* (со знаком вопроса).

Что делать? Куда стремиться? Чего добиваться? Как жить? -- самый капитальный вопрос для последователей всякого учения. -- Из разбросанных философских воззрений на жизнь, из разнородных порицаний тех или других существующих явлений трудно с точностью вывести: что должно и чего не должно желать или делать. Никакие массы отрицаний не в силах исчерпать всего, чего не нужно делать, оставив в необъятной массе жизни оазисом -- только желаемое. Тут безграничное поле для сомнений, противуречий и споров; -- тут арена для расколу. Зато воспроизведение идеала (хотя бы и бездарное) в форме романа окончательно выводит из всяких сомнений и колебаний.

За вопросом *что делать? как жить?* следует роман, и нам остается только подвести черту следствия и сказать: следовательно -- надо делать то, что делают в романе люди, рекомендуемые симпатией автора, и не делать того, что делают лица, над которыми тяготеет его презрение.

Открыть, кому из своих героев сочувствует или не сочувствует наш автор, нетрудно -- он так щедр на похвалы и порицания. Отсутствие в авторе романа *"и тени таланта"* еще более облегчает дело. Все перипетии ведены к тому, чтобы любимый герой мог совершить такой, а не другой поступок. Нечего разбирать, возможен или невозможен известный поступок в данную минуту. Дело в том, чтобы выставить поступок, подчеркнуть его и тем самым сказать: вот *что делать*. С другой стороны, не симпатичные автору лица никакими признаками здравого смысла или добра не могут избежать позорных ярлыков: *дурак* и *негодяй*. При таких условиях к пониманию симпатий препятствий быть не может. Все психологические тонкости, пускаемые в ход романистом, исчерпываются колебаниями принять то или другое состояние духа, вроде: *"Она думала, что думает, -- нет, она не думала, что думает"* или *"ей"*